

DOI: 10.15643/libartrus-2019.4.5

Понятие иронии в наследии святителя Василия Великого

© А. А. Медведева

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119991 г. Москва, Ленинские горы, 1.*

Email: kristallvas@mail.ru

В настоящем исследовании вниманию читателя представлены фрагменты текстов из наследия святителя Василия Великого, в которых используется корень «εἰρων-». Предложенные фрагменты сопровождаются переводами на русский язык. Каждый фрагмент сопровождается минимальным комментарием, на основании которых сделаны ряд заключений о функционировании понятия «ирония» в наследии Василия Великого. Предполагается, что уточнение смыслов, вносимых в понятие иронии в корпусе текстов святителя Василия Великого, может быть продуктивно использовано в полемике вокруг возможности соприкосновения ироничного и религиозного, особенно обострившейся в последние годы как в России, так и в западном мире. Основными положительными результатами исследования можно назвать как сам факт подтверждения присутствия понятия иронии в наследии Василия Великого, так и выделение основных значений, в каких это понятие используется. Кроме того, в ряде случаев обозначены неточности русскоязычных переводов наследия святителя, что еще раз свидетельствует о необходимости обновления и уточнения русскоязычных переводов святоотеческих текстов. При поиске текстов на языке оригинала была использована наиболее полная и регулярно обновляемая база данных классической письменности «Thesaurus Linguae Graecae» (TLG); в ходе работы также были привлечены ряд исследовательских работ по теории иронии и библейской иронии (на русском и английском языках).

Ключевые слова: *ирония и христианство, ирония в патристике, святитель Василий Великий, ироничное и религиозное.*

Изучение роли иронии в религиозном сознании имеет очень долгую историю. Классик экзистенциализма, Серен Кьекегор, в качестве примера типичного ироника называет Иоанна Предтечу [1, р. 179]. В современной публицистике звучат голоса, заявляющие о невозможности совмещения религиозного и ироничного [2]. В истории русской религиозной философии имел место спор по вопросу «смеялся ли Христос?» [3], время возникновения которого восходит ко временам золотого века христианства. Поскольку вопрос этот привлекает умы исследователей на протяжении уже стольких веков и проявляется в столь разных формах, закономерно предположить, что, по крайней мере, часть проблемы коренится в значении самого исследуемого понятия, а не только в качестве построения аргументации той или иной из сторон. Иными словами, прежде чем заключить о возможности или невозможности совмещения религиозного и ироничного, надлежит прежде всего разобраться с тем, что именно может называться «религиозным», а что «ироничным». Очевидно, что возможные понимания обоих этих понятий многообразны. Тем более многообразны окажутся комбинации их сочетаний.

Классические древнегреческо-русские и древнегреческо-английские словари предлагают довольно лаконичные дефиниции для слова «εἰρωνεία»: «Притворное незнание, притворное самоуничтожение, ирония» [4], «Притворство, особенно в речи (когда кто-либо одно говорит, а другое думает, или когда кто-либо прикидывается не знающим того, что он хорошо знает);

увертка, отговорка; вообще насмешка, ирония» [5], «Dissimulation, i.e. ignorance purposely affected to provoke or confound an antagonist, a mode of argument used by Socrates against the Sophists; pretence, assumption, when a person at first appears willing, but then draws back; generally, dissembling» [6]. Очевидно, однако, что после эпохи романтизма, экзистенциализма и постмодернизма понятие иронии обогатилось новыми и иногда неожиданными значениями [7].

Для религиозного сознания бесспорным авторитетом обладает корпус сакральных текстов той или иной традиции. В христианской традиции сохраняется обыкновение во всякой спорной ситуации обращаться к текстам Священного Писания и святоотеческого предания. В вопросе о возможных формах совмещения религиозного и иронического представляется целесообразным поступить также: проследить, в каких формах понималась или была возможна ирония в святоотеческих текстах. Настоящее исследование предлагает привлечь к рассматриваемой проблеме наследие святителя Василия Великого, одного из крупнейших христианских авторов IV века – а именно, проследить в каких значениях им использовалось понятие «ирония». Выяснение возможных значений предлагается осуществить посредством анализа контекстов словоупотребления той или иной формы слова, содержащей корень «είρων-» в искомом значении¹. Предполагается, что анализ контекстов словоупотребления названного понятия будет способствовать: а) уточнению понятия «ирония» и тех значений, в каких оно функционировало в святоотеческой экзегезе; б) выявлению возможных форм взаимопроникновения религиозного и иронического в рамках церковной традиции.

Святитель Василий Великий, один из трех великих каппадокийцев, родился и жил в IV в. на территории современной Турции. Его наследие обладает несомненным авторитетом для христиан большинства деноминации и в настоящее время насчитывает несколько сотен произведений различного жанра и объема. Кроме того, к корпусу текстов святителя примыкает пласт так называемых «спорных» сочинений, в классических исследованиях по патристике именуемых «*spuria*». Авторство этих текстов оспаривается или подвергается сомнению, однако в разные периоды своего существования они атрибутировались святителю Василию, и потому традиционно издаются вместе с его собственными текстами. Исходя из этой традиции в качестве базы настоящего исследования были использованы все тексты корпуса, включая спорные и подложные сочинения [8].

Поиск контекстов словоупотребления корня «είρων-» осуществлялся посредством базы данных Thesaurus Linguae Graecae (TLG). В корпусе текстов святителя Василия Великого было обнаружено 9 случаев употребления искомого корня в 6 сочинениях разной степени достоверности и времени появления. Ниже эти фрагменты представлены в сопровождении переводов и минимальных комментариев.

«Письмо к Зоилу», в зависимости от издания имеющее порядковый номер 186 или 194, датируется исследователями 375 г. и содержит ответ святителя Василия на обращение названного Зоила, о содержании которого можно судить лишь по тексту самого ответа:

1) «*Οἷα ποιεῖς, ὦ θαυμάσιε, προλαμβάνων ἡμᾶς εἰς τὸ τῆς ταπεινώσεως μέτρον; Ὅς γε τοιοῦτος ὦν τὴν παιδείουσι καὶ οὕτως εἰδῶς ἐπιστέλλειν, ὡς δηλοῖ τὰ γράμματα, ὁμῶς ἀξιοῖς, ὡς ἐπὶ τολμηροτέρῳ*

¹ В греческом языке того периода, в каком его застал свт. Василий, возможны совпадающие словоформы, восходящие к иному корневному гнезду; к примеру, «είρων» в соответствующем синтаксическом положении следует переводить как «говорящий» – причастие настоящего времени активного залога мужского рода от глагола «εἶρω» – «говорю».

τινὶ ἐγχειρήσει καὶ ὑπερβαινοῦσῃ σου τὴν ἀξίαν, συγγνώμης παρ' ἡμῶν τυγχάνειν. Ἄλλὰ τῆς εἰρωνείας ταύτης ἀφέμενος ἐπίστελλε ἡμῖν διὰ πάσης προφάσεως» [9, section 1, line 6].

«Что ты делаешь, чудный мой, превосходя меня в мере смирения? При такой своей учености, при таком искусстве писать письма, как видно сие из самих писем, просишь, однако же, у меня извинения, как будто в смелом каком предприятии, превышающем твое достоинство. Но, оставив эту иронию, пиши ко мне при всяком случае» [10, с. 721–722].

В контексте этого фрагмента святитель Василий использует понятие «ирония» для именованного чрезмерного самоуменьшения своего собеседника. Это значение сближается с сократовской иронией. Ирония Сократа, нарочито выставляющего свое мнимое незнание для выведения новых умозаключений в диалоге, изучена довольно хорошо [11, с. 8–11]. Контекст «Письма к Зоилу» показывает лишь то, что использование слова «ирония» Василием Великим вполне соотносимо с теми значениями, какое это слово имело в античности.

«Гомолия на слова „Разорю житницы мои...“. Датировка этого сочинения не ясна, но подлинность его исследователями не оспаривается.

2) «Ἀλλ' ὁ μὲν λιμὸς συνέχει τὸν ἄθλιον, σὺ δὲ ἀναβάλλῃ, καὶ εἰρωνεύῃ, μακροτέραν αὐτῷ κατασκευάζων τὴν συμφορὰν» [12]. Section 4, line 25.

«Этого несчастного угнетает голод, а ты медлишь и смеешься, способствуя тому, чтоб подлилось его бедствие!» [13, с. 627].

В настоящем контексте понимание «иронии» сближается с не самым частым античным значением «медлительности», чем, однако, опять указывается на преемственность языка христианских проповедников с языком языческих авторов. На использование понятия иронии античными авторами в значении «медлительности» указывал, например, А. Ф. Лосев [14, с. 563–589], приводящий в пример соответствующие фрагменты из Демосфена, Плутарха и аттического оратора Динарха. В то же время можно отметить, что контекст гомолии, как кажется, не требует именно таких коннотаций и вполне допускает использование понятия «ирония» в более привычном смысле – как насмешки или притворного поведения. Безусловно, в этом контексте именно «медлить» переведен² глагол «ἀναβάλλω» (и в этом случае «медлительность» – тоже отнюдь не первое его значение), однако тот факт, что в тексте оригинала глаголы «ἀναβάλλω» и «εἰρωνεύω»³ соседствуют, подталкивает именно к такому прочтению.

«Гомолия к обогащающимся». Как и в случае с предыдущим фрагментом, авторство сочинения не оспаривается, однако о датировке его нельзя сказать ничего определенного.

3) «Ἐῖρηται καὶ πρόην ἡμῖν τὰ περὶ τοῦ νεανίσκου τούτου, καὶ μέμνηται πάντως ὃ γε φιλόπονος ἀκροατῆς τῶν ἐξητασμένων τότε· πρῶτον μὲν, ὅτι οὐχ ὁ αὐτός ἐστι τῷ παρὰ τῷ Λουκᾷ νομικῷ. Ὁ μὲν γὰρ πειραστῆς ἦν, εἰρωνικὰς τὰς ἐρωτήσεις ποιοῦμενος· οὗτος δὲ, ὑγιῶς μὲν ἐρωτῶν, οὐκ εὐπειθῶς δὲ παραδεχόμενος. Οὐ γὰρ ἂν ἀπῆλθεν ἐπὶ ταῖς τοιαύταις ἀποκρίσεσιν τοῦ Κυρίου λυπούμενος, εἰ καταφρονητικῶς αὐτῷ προσῆγε τὰς πύσεις» [15, section 1, line 4].

«И сегодня утром говорили мы о сем юноше (Мф. 19, 16–22); трудолюбивый слушатель, конечно, помнит тогдашние наши исследования. И, во-первых, о том, что юноша сей не одно лицо

² Перевод творений святителя Василия Великого на русский язык осуществлялся в самом конце XIX и начале XX вв. и издавался силами Московской Духовной Академии; установить переводчика каждого конкретного сочинения представляется затруднительным [13, с. 7–8].

³ Классические словари И. Х. Дворецкого [4] и А. Д. Вейсмана [5] не знают глагола «εἰρωνεύω», но приводят только медиальную форму «εἰρωνεύομαι»; однако текст святителя Василия, как кажется, предполагает именно активное значение.

с законником, упоминаемым у Луки (Лк. 10, 25–28). Последний был пытлив, предлагал вопросы в насмешку; а тот спрашивал здраво, но только принимал не благопокорно, ибо не пошел бы от Господа, скорбя о таких Его ответах, если бы вопросы делал Ему презрительно» [13, с. 630].

Фрагмент гомилии бесспорно экзегетический – речь идет об общесиноптическом сюжете Мф. 19:16–29; Мк. 10:17–30 и Лк. 18:18–27. Это добавляет тексту особый вес, поскольку, кроме собственной значимости авторства святителя Василия, фрагмент содержит привлечение евангельского материала, что указывает на возможность соприкосновения иронического и религиозного даже в корпусе Священного Писания. Коннотации понятия «ирония» здесь негативны: она атрибутируется некоему неблагочестивому начальнику из 91-го зачала евангелия от Луки и даже служит характеристикой, которая, согласно святителю Василию, отличает благочестивого вопрошателя в изложении Матфея и Марка от неблагочестивого – у Луки.

«Комментарии на пророка Исаию». Корпус текстов толкования на пророка Исаию атрибутируется святителю Василию, но ряд исследователей подвергают его авторство сомнению. Сочинение представляет собой собрание заметок, не оформленное в единую проповедь или толкование. Интересующий нас корень встречается в этом сочинении дважды.

4) «Καὶ, ἐπειδὴ κολακεύοντες αὐτὸν καὶ θωπεύοντες, οἱ ὑποχείριοι λέγουσι· Σὺ μόνος εἶ ἄρχων, ὡς περ εἰρωνευόμενος πρὸς αὐτοὺς λέγει Οὐκ ἔλαβον τὴν χώραν τὴν ἐπάνω Βαβυλῶνος καὶ Χαλάνην. Οὕτω (φησὶ) γέγονα πάντων κύριος ἐκφεύγει μου τὴν βασιλείαν ἢ χώρα ἢ ἐπάνω Βαβυλῶνος καὶ ἢ Χαλάνην, Οὗ ὁ πύργος ᾠκοδομήθη. Πύργον μὲν οὖν ἐκεῖνον λέγει τὸν ἀρχαῖον, ὃν ἐν τῷ πεδίῳ τῷ Σεναὰρ ᾠκοδόμησαν, εἰπόντες· Δεῦτε, οἰκοδομήσωμεν ἑαυτοῖς πόλιν καὶ πύργον, πρὸ τοῦ διαχωρισθῆναι ἡμᾶς ἀπ’ ἀλλήλων, οὗ ἡ κεφαλὴ ἔσται ἕως τοῦ οὐρανοῦ» [16, chapter 10, section 236, line 8].

«И поскольку подвластные с лестью и потворством говорят ему: „ты еси един князь“, он, как бы смеясь, отвечает: „не взях ли страны, яже выше Вавилона и Халани?“ (То есть: «Я еще не стал господином всех, не к моему царству принадлежит страна, которая выше Вавилона и Халани, „идеже столп создан“; а понимает тот древний столп, который созидали на поле Сеннаарском говорившие: „приидете“ и, прежде нежели разлучились мы друг с другом, „созиждем себе град и столп, егоже верх будет даже до небесе“ (Быт. 11:4)» [13, с. 551].

Сюжет позволяет судить о сближении понимания иронии с понятиями самоуменьшения, ложной скромности, риторического парирования в ответ на восхваление собеседников. С одной стороны, это близко к традиционному пониманию иронии Сократа, с другой – не отличается от современного понимания иронии как риторического приема.

5) «Δοκεῖ κατὰ τινὰ χλεύην καὶ εἰρωνείαν προκαλεῖσθαι ἐπὶ τὰ ἀνόνητα βουλευμάτα τὴν Ἀρνῶν, ἵνα κόρον λαβοῦσα τῶν ματαίων ἑαυτῆς βουλευμάτων καὶ μαθοῦσα τὸ ἀπ’ αὐτῶν ἀνωφελές, οὕτω προσέλθῃ τῇ ὑγιαίνουσῃ διδασκαλίᾳ» [16, chapter 16, section 303, line 5].

«Кажется, что Пророк с некоторым осмеянием и иронически вызывает Арнон на безрасудные совещания, чтобы, пресытившись суетными своими замыслами и познав бесполезность их, приступил он наконец к здоровому учению» [13, с. 586].

Более широкий контекст позволяет судить о том, что святитель Василий подразумевает под Арноном не реку, располагающуюся на границе земли Моав, а моавитянский город с таким же названием, и даже в более широком смысле слова – всю область обитания моавитян. С точки зрения раскрытия значения иронии этот фрагмент важен тем, что ирония здесь вкладывается в уста пророка Исаии, т.е. выступает вполне допустимым инструментом полемики для положительного библейского персонажа.

«Против Евномия, книга пятая». Авторство двух последних книг (5 и 6) одного из самых знаменитых трактатов святителя Василия оспаривается [17], однако в традиционных изданиях они публикуются наряду с подлинными книгами с соответствующим примечанием. В пятой книге трактата «Против Евномия» слова с корнем «εἴρων-» встречаются трижды:

6) «Πολλὰ τοίνυν ἔχων αὐτὸν ἐν τούτῳ δεικνύει τῷ λόγῳ ψεύστην, ἀμαθῆ, ὑβριστὴν, εἴρωνα βλάσφημον, τῶν μὲν ἄλλων τὴν μνήμην ἐν παρέργῳ θήσομαι, τὴν δὲ βλασφημίαν, ἣν εἰς τὸ ὕψος τῆς δόξης τοῦ Μονογενοῦς ἐλάλησε, τῶν ἐκ τῆς τέχνης προκαλυμμάτων ἀπογυμνώσας, ἐμφανῆ πᾶσι καταστῆσαι πειράσομαι» [11, volume 29, page 501, line 16].

«Итак, хотя в сем сочинении нахожу многое, что показывает в Евномии лжеца, невежду, ругателя, кощунника, хульника и прочее, о чем я упомяну мимоходом, попытаюсь же привести для всех в ясность, обнажив от всех искусственных покровов, ту хулу, которую изглаголил он на высоту славы Единородного» [13, с. 110].

Представлен случай довольно редкого перевода «ироника» как «кощунника», однако выбор такого варианта при переводе может быть обусловлен желанием переводчика несколько сгустить краски отрицательных эпитетов к фигуре Евномия.

7) «ΒΑΣ. Ποίας ἀλαζονείας ὑπερβολὴν ὁ κόμπος οὗτος τῶν λόγων οὐχ ὑπεραίρει; Καὶ πρόσεστι τῆ εἴρωνεία καὶ ὑβρις κατὰ τῶν δικαζόντων· εἶπερ τῷ πρὸς τὰ καλὰ δυσχερῶς ἔχειν μόλις κατέχονται χαλεπαίνοντες ἀμελοῦντι μὲν αὐθαδείας καὶ τύφου, τῆς δὲ ἐν τῷ παρόντι ἀσφαλείας τὴν ὑπὲρ τῶν μελλόντων ἄδειαν προτιμῶντι, καὶ τοῦ προσκαίρου θανάτου φοβερωτέραν κρίνοντι τὴν εἰς ὕστερον κόλασιν. Τοῦτο δὲ ἐστὶ τί; Μὴ χαλεπαίνετε μοι, ὧ ἄνδρες, πρὸς αὐτὸ τὸ ἀκρότατον τῆς ἀρετῆς ἀνελθόντι, καὶ ὑπερβάντι μὲν τὰ γήϊνα, πᾶσαν δὲ τὴν πολιτείαν εἰς οὐρανὸν μεταθέντι. Καινὸς οὗτος ἀλαζονείας τρόπος» [18, volume 29, page 508, line 43].

«Василий: Какого хвастовства меру не превосходит сие бахвальство? При насмешке здесь есть и ругательство над судьями, если они столь не терпят добра и едва удерживаются, чтобы не гневаться на человека, который презирает самохвальство и гордость, освобождение от осуждения в будущем предпочитает безопасности в настоящем и наказание в последующей жизни признает более страшным, нежели временную смерть. Что это значит? „Не гневайтесь, судьи, на меня, который взошел на самый верх добродетели, оставил за собой земное и все свое жительство преселил на небо“. Вот новый вид бахвальства» [13, с. 113].

В этом фрагменте налицо традиционное для античной комедии сопоставление образов алазона⁴ и ироника, при котором, как и ранее у христианских авторов [11, с. 9], противопоставление их нивелировано, и оба характера представлены как негативные.

8) «Καὶ μηδεὶς μοι συκοφαντεῖτω τὸν λόγον, εἴ τι τῶν ὑποδειγμάτων μὴ πάντῃ συμβαίνοι τοῖς προκειμένοις. Οὐδὲ γὰρ δυνατὸν τὰ μικρὰ καὶ φαῦλα τοῖς θείοις καὶ αἰδίοις μετὰ ἀκριβείας ἀρμόζειν, ἀλλ' ὅσον ἐλέγξει τὴν εἴρωνείαν τῶν οὐ δυναμένων διὰ γέννησιν ἀπαθῆ τῇ διανοίᾳ λαβεῖν. Εἰκὼν δὲ εἴρηται καὶ ἔστιν ὁ Υἱὸς γεννητῆ, καὶ ἀπαύγασμά ἐστὶ τῆς δόξης τοῦ Θεοῦ, καὶ σοφία, καὶ δύναμις, καὶ δικαιοσύνη Θεοῦ, οὐχ ὡς ἔξεις, οὐδὲ ὡς ἐπιτηδειότης, ἀλλ' οὐσία ζωσα καὶ ἐνεργῆς, καὶ ἀπαύγασμά ἐστὶ τῆς δόξης τοῦ Θεοῦ» [18, volume 29, page 605, line 20].

⁴ Слово «ἀλαζών», которое в греческой комедии обозначает персонажа-хвастуна, вероятно, восходит к боевому кличу «ἀλαλή». Этот клич призван был раззадорить солдат перед битвой и ассоциировался с хвастовством и заносчивостью. По всей видимости, исходя из этих смыслов слово «алазон» стало тождественно по значению словам «хвастун» и «пустомеля». В классической греческой комедии заносчивый и пустой персонаж «алазон» обычно противопоставлялся находчивому и хитрому «иронику». Однако в текстах христианских авторов нередко противопоставление этих персонажей нивелируется, и оба образа выступают как однозначно негативные. Подробнее о роли пары «алазон-ироник» в библейской экзегезе писал Э. М. Гуд в работе «Ирония в Ветхом Завете» [21].

«И никто не обвиняй меня напрасно за сказанное мной, если что-нибудь в сих подобиях не совсем сходно с самыми предметами, ибо и невозможно со всей точностью применять вещи малые и низкие к Божественным и вечным. Но я хотел только обличить, по мере возможности, притворство тех, которые не могут вместить в своем уме бесстрастного рождения. Сын же называется и есть образ рожденный (см. Кол. 1:15), и сияние славы Божией (ср. Евр. 1:3), и премудрость, и сила, и правда Божия (ср. 1 Кор. 1:24, 30) не как свойство или как способность, но как сущность живая и действенная⁵» [13, с. 151].

Традиционный для русских дореволюционных переводов вариант значения «притворство, лукавство, коварность» отчасти иллюстрирует напряженное отношение к иронии среди русских переводчиков духовной литературы – которое, конечно, было связано с обсуждением вопроса «смеялся ли Христос?»

«О посте». Подлинность гомилий «О посте» в настоящее время исследователями не оспаривается.

9) «Ὁ πένης μὴ εἰρωνεύεσθω πρὸς τὴν νηστείαν, πάλαι σύνοικον αὐτὴν καὶ ὁμοδαίτων ἔχων» [20, volume 31, page 188, line 14].

«Бедный, не насмеяйся над постом, потому что давно он у тебя в доме и за твоим столом» [13, с. 602].

Контекст интересен тем, что здесь значение иронии противопоставляется искренности, близости и доверию, которое свойственно домашним: отчасти, это значение может ощущаться очень болезненным именно в случае соприкосновения иронического и религиозного, поскольку религиозное подразумевает крайнюю откровенность и искренность верящего человека.

Выводы

Подытоживая рассмотренные материалы, можно заключить следующее:

1. В корпусе текстов, так или иначе атрибутируемых святителю Василию Великому, девять раз встречаются слова с корнем «εἰρων-», что ясно показывает, что понимание иронии как таковой ему отнюдь не было чуждо. Авторство, по крайней мере, четырех из предложенных фрагментов в настоящее время не подвергается сомнению.

2. Четырежды в корпусе текстов святителя ирония появляется в контексте экзегетических сочинений – в гомилии на слова «Разорю житницы мои...», в гомилии «К обогащающимся» и дважды – в комментариях на книгу пророка Исаии. Даже если исключить из рассмотрения последние два сюжета, авторство которых небесспорно, уже одного прецедента из текстов с бесспорным авторством было бы достаточно, чтобы заключить, что Василий Великий не исключает возможность использования иронии как экзегетического тропа⁶.

3. Большинство случаев употребления корня «εἰρων-» в корпусе текстов Василия Великого содержат в себе негативные оттенки значений.

4. Рассмотренные фрагменты не содержат в себе каких-то особых «благочестивых» дефиниций иронии. Так, в предложенных фрагментах значение иронии сближается либо с сократовским ее пониманием (фрагмент 1, «Письмо к Зоилу» и фрагмент 4, «Комментарий на про-

⁵ Окончание греческой фразы, которое можно было бы перевести как «...и сияние славы Божией» (καὶ ἀπαύρασμα ἐστὶ τῆς δόξης τοῦ Θεοῦ), в русском переводе отчего-то опущено.

⁶ О возможности использования иронии в библейской экзегезе писал уже автор первой «Исагоги», Адриан Антиохийский [22].

рока Исаию»), либо со значениями, бывшими в ходу в аттической риторике (фрагмент 2, «Гомилия на слова „Разорю житницы мои...“»), либо с более-менее устойчивым «современным» значением слова вроде «риторический прием, притворная похвала» (фрагмент 5, «Комментарий на пророка Исаию»).

5. На примере корпуса текстов святителя Василия Великого можно заключить, что соприкосновение иронического и религиозного в святоотеческом наследии христиан не исключается. Понимание «иронии» при этом не выказывает каких-либо специфических значений. О значениях, позднее привнесенных в это понятие экзистенциализмом и постмодернизмом, на материале этих текстов судить невозможно.

Статья подготовлена в рамках проекта «Понимание иронии в традиции православной церкви» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №190472).

Литература

1. Кьеркегор С. О понятии иронии // *Логос*. 1993. №4. С. 176–198.
2. Щипков А. В. Ирония и христианство не совместимы. В чем отличия между юмором и иронией, юродством и шутовством? // *Русская народная линия*. 30.01.2018. URL: http://ruskline.ru/opp/2018/yanvar1/30/aleksandr_wipkov_ironiya_i_hristia.
3. Буренин В. П. Критические очерки. Разговор. Т. 1. // *В. В. Розанов: pro et contra...* СПбГУ: изд-во РХГИ, 1995.
4. Дворецкий И. Х. *Древнегреческо-русский словарь*. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
5. Вейсман А. Д. *Греческо-русский словарь*. Санкт-Петербург, 1899. Репринт: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991.
6. Liddell H. G. Scott R. A *Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1940.
7. Мальцева О. В. Метаморфозы философской иронии: от Сократа к постмодерну // *Наука. Религия. Суспльство*. 2010. №1. С. 169–185.
8. Михайлов П. Б. Дионисий (Шленов), Турилов А. А. Василий Великий // *Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла*. 2009. Т. 7. С. 131–191.
9. Saint Basile. *Lettres* / Ed. Y. Courtonne. Paris: Les Belles Lettres, 1966. Vol. 1.
10. Василий Великий. *Творения*. В 2-х т. Т. 2: Аскетические творения. Письма. М.: Сибирская Благовонница, 2009.
11. Пивоев В. М. *Ирония как феномен культуры*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000.
12. Saint Basile. *Homillud: Destruam horrea mea* / Ed. Y. Courtonne. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu>.
13. Василий Великий. *Творения*. В 2-х т. Том 1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. М.: Сибирская Благовонница, 2008.
14. Лосев А. Ф. *История античной эстетики*. Харьков: Фолио, 2008. Т. 8.
15. Saint Basile. *Homilia in divites. Homs. II sur la richesse* / Ed. Y. Courtonne. Paris: Didot, 1935. Pp. 39–71.
16. San Basilio. *Commento al profeta Isaia* / Ed. P. Trevisan. Turin: Societvisan, 1939.
17. Hayes W. M. *The Greek Manuscript Tradition of (ps.) Basil's Adversus Eunomium Books IV–V*. Leiden, 1972.
18. Basilius Theologus. *Adversus Eunomium (libri 5)*. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu>.
19. Медведева А. А. Понятие εἰρωνεία в экзегетическом наследии доникейского периода // *Религиоведение*. 2019. №1. С. 5–15.
20. Basilius Theologus. *De jejunio (homilia 2)*. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu>.
21. Good E. M. *Irony in the Old Testament*. The Westminster Press, 1965.
22. Вевюрко И. С. *Сентуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли*. М.: изд-во Московского университета, 2018. С. 944–946.

Поступила в редакцию 07.07.2019 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2019.4.5

The concept of irony in the legacy of St. Basil the Great

© A. A. Medvedeva

Lomonosov Moscow State University
GSP-1 Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia.

Email: kristallvas@mail.ru

The author of the study considers the fragments of texts from the heritage of St. Basil the Great, which contain the root “είρων-”. The proposed fragments are accompanied by translations into Russian. Each fragment is accompanied by a minimal commentary on the basis of which a number of conclusions are made about the functioning of the concept of “irony” of the legacy of Basil the Great. Clarification of the meaning of this concept in the legacy of St. Basil the Great is important for the argument on the issue of contact between the ironic and the religious. This issue has attracted public attention both in Russia and in Europe over the past ten years. Among the main positive results of the study are the fact of confirmation of the presence of the concept of irony in the legacy of Basil the Great and the allocation of the main meanings in which this concept is used. In addition, some inaccuracies of Russian translations of the Saint’s legacy are indicated, which once again testifies to the need to update and clarify Russian translations of patristic texts. The most complete and regularly updated database of classical writing, Thesaurus Linguae Graecae (TLG), was used in the search for texts in the original language; several of research works on the theory of irony and biblical irony (in Russian and English) were also used. The involvement of patristic texts in the contemporary debate about irony is useful both for the scientific studies of patristic heritage and for illustrating the continuity of the Christian Church tradition.

Keywords: irony, ironic, religious, Christianity, Patristics texts, St. Basil the Great.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No.190472).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Medvedeva A. A. The concept of irony in the legacy of St. Basil the Great // *Liberal Arts in Russia*. 2019. Vol. 8. No. 4. Pp. 279–287.

References

1. K'erkegor S. O ponyatii ironii. *Logos*. 1993. No. 4. Pp. 176–198.
2. Shchipkov A. V. Russkaya narodnaya liniya. 30.01.2018. URL: http://ruskline.ru/opp/2018/yanvar1/30/aleksandr_wipkov_ironiya_i_hristia.
3. Burenin V. P. V. *Rozanov: pro et contra...* SPbGU: izd-vo RKhGI, 1995.
4. Dvoretiskii I. Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar' [Ancient Greek-Russian dictionary]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958.
5. Veisman A. D. *Grechesko-russkii slovar' [Greek-Russian dictionary]*. Sankt-Peterburg, 1899. Reprint: Grekolatinskii kabinet Yu. A. Shichalina, 1991.
6. Liddell H. G. Scott R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1940.
7. Mal'tseva O. V. *Nauka. Religiya. Suspil'stvo*. 2010. No. 1. Pp. 169–185.
8. Mikhailov P. B. *Pravoslavnyaya entsiklopediya pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla*. 2009. Vol. 7. Pp. 131–191.
9. Saint Basile. *Lettres*. Ed. Y. Courtonne. Paris: Les Belles Lettres, 1966. Vol. 1.
10. Basil the Great. *Tvoreninya*. V 2-kh t. Vol. 2: Asketicheskie tvoreninya. Pis'ma [Creations. In 2 volumes. Vol. 2: Ascetic creations. Letters]. Moscow: Sibirskaia Blagozvonitsa, 2009.
11. Pivoev V. M. *Ironiya kak fenomen kul'tury [Irony as a cultural phenomenon]*. Petrozavodsk: PetrGU, 2000.

12. Saint Basile. *Homillud: Destruam horrea mea*. Ed. Y. Courtonne. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu>.
13. Basil the Great. *Tvoreniya*. V 2-kh t. Vol. 1: Dogmatiko-polemicheskie tvoreniya. Ekzegeticheskie sochineniya. Besedy [*Creations*. In 2 volumes. Vol. 1: Dogmatic-polemical creations. Exegetical works. Conversations]. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa, **2008**.
14. Losev A. F. *Istoriya antichnoi estetiki*. Khar'kov: Folio, **2008**. Vol. 8.
15. Saint Basile. *Homilia in divites. Homs. II sur la richesse*. Ed. Y. Courtonne. Paris: Didot, **1935**. Pp. 39–71.
16. San Basilio. *Commento al profeta Isaia*. Ed. P. Trevisan. Turin: Societvisan, **1939**.
17. Hayes W. M. *The Greek Manuscript Tradition of (ps.) Basil's Adversus Eunomium Books IV–V*. Leiden, **1972**.
18. Basilius Theologus. *Adversus Eunomium (libri 5)*. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu>.
19. Medvedeva A. A. *Religiovedenie*. **2019**. No. 1. Pp. 5–15.
20. Basilius Theologus. *De jejunio (homilia 2)*. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu>.
21. Good E. M. *Irony in the Old Testament*. The Westminster Press, **1965**.
22. Vevyurko I. S. *Septuaginta: drevnegrecheskii tekst Vetkhogo Zaveta v istorii religioznoi mysli [Septuagint: Ancient Greek text of the Old Testament in the history of religious thought]*. Moscow: izd-vo Moskovskogo universiteta, **2018**. Pp. 944–946.

Received 07.07.2019.